

направленія, подобно тому, какъ Петръ отрекся отъ Иисуса. Нѣкоторые пожалуй даже похвалятъ его за это. Но я спрашиваю, много-ли дѣльнаго могутъ сказать о „политикѣ“ г. Г. и его единомышленники, еще такъ недавно утверждавшіе, что

„утопично и ребячество ставить въ нашу программу обобществленіе орудій труда“?

И я боюсь, что проповѣдь пми политической борьбы приведетъ къ точно такой же путаницѣ понятій, къ какой привела уже проповѣдь ими борьбы на экономической почвѣ. Дѣло не въ томъ, за какое именно направленіе стоитъ г. Г., а въ томъ, что у насъ есть много людей, называющихъ себя социальдемократами и не усвоившихъ себѣ даже азбуки современнаго социализма. Этимъ и объясняется господствующая у насъ теперь „неразбериха“, благодаря которой скоро можно будетъ съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ встрѣтятся два русскихъ социальдемократа, навѣрное окажется три социальдемократическихъ партій. Признаюсь, я никогда не думалъ, что мнѣ суждено пережить такой стыдъ!

Намъ надо выйти изъ этого хаотическаго и позорнаго положенія во что бы то ни стало. Горю партій, терпѣливо переносящей подобную путаницу!

Чтобы выйти изъ того или другого неприятнаго положенія, надо прежде всего *внимательно изучить его причины*. Я надѣюсь, что предлагаемый сборникъ будетъ очень полезенъ всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ изучить наше положеніе. Но, какъ уже замѣчено, я счелъ справедливымъ посвятить его редакціи „Рабочаго Дѣла“, такъ какъ именно она побудила насъ къ его опубликованію.

ПРОТЕСТЪ.

Собраніе социальдемократовъ одной мѣстности, въ числѣ 17 человекъ, приняло единогласно слѣдующую резолюцію и постановило опубликовать ее и передать на обсужденіе всѣмъ товарищамъ:

Въ послѣднее время среди русскихъ социальдемократовъ замѣчаются отступленія отъ тѣхъ основныхъ принциповъ русской социальдемократіи, которые были провозглашены какъ ея основателями и передовыми борцами, — членами группы Освобожденія Труда, такъ и социальдемократическими изданіями русскихъ рабочихъ организацій 90-хъ годовъ. Нижеприводимое „сredo“, долженствующее выражать основные взгляды нѣкоторыхъ (такъ называемыхъ „молодыхъ“) русскихъ социальдемократовъ, представляетъ изъ себя попытку систематическаго и опредѣленнаго изложенія „новыхъ“ воззрѣній. Вотъ это „сredo“ въ полномъ видѣ:

Существованіе цеховаго и мануфактурнаго періода на западѣ положило рѣзкій слѣдъ на всю слѣдующую исторію, въ осо-

бешности на исторію соціалдемократіи. Необходимость для буржуазии завоевать свободныя формы, стремленіе освободиться отъ сковывающихъ производствено цеховыхъ регламентацій сдѣлали буржуазію революціоннымъ элементомъ; она повсюду на западѣ начинается съ *liberté, égalité, fraternité*, съ завоеванія свободныхъ политическихъ формъ. Но этимъ завоеваніемъ она, по выраженію Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антагону — рабочему классу. Почти повсюду на западѣ рабочий классъ, не завоевывалъ демократическихъ учреждений: онъ ими пользовался. Намъ могутъ визрзнуть, что онъ участвовалъ въ революціяхъ. Историческія справки опровергаютъ это мнѣніе, такъ именно въ 1848 г. когда произошло на западѣ упроченіе конституцій, рабочий классъ представлялъ изъ себя ремесленно городской элементъ, мѣщанскую демократію, фабричный же пролетаріатъ почти не существовалъ, а пролетаріатъ крупнаго производства (ткачи Германіи—Гауптманъ—ткачи Ліона) представлялъ изъ себя дикую массу, способную лишь къ бунтамъ, но отнюдь не къ выставленію какихъ-либо политическихъ требованій. Можно прямо сказать, что конституціи 1848 г. были завоеваны буржуазіей и мелкимъ мѣщанствомъ, артизаначи. Съ другой стороны, рабочий классъ (артизаны и рабочіе мануфактуръ, типографщики, ткачи, часовыхъ дѣлъ мастера и проч.) съ среднихъ вѣковъ еще привыкъ участвовать въ организаціяхъ — въ кассахъ взаимопомощи, религиозныхъ обществахъ и пр. Этотъ организаціонный духъ до сихъ поръ еще живеть у обученныхъ рабочихъ запада и рѣзко отличается ихъ отъ фабричнаго пролетаріата, плохо и медленно поддающагося организаціи и способнаго лишь къ такъ называемому *loose organization*, а не къ прочнымъ организаціямъ съ уставами и регламентами. Эти же мануфактурно обученные рабочіе составили ядро соціалдемократическихъ партій. Такимъ образомъ получила слѣдующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы съ одной стороны, съ другой — возможность планомерной организаціи этой борьбы съ помощью воспитанныхъ мануфактурнымъ періодомъ рабочихъ. На этой почвѣ выросъ на западѣ теоретическій и практической марксизмъ. Исходной его точкой явилась парламентская политическая борьба съ перспективой (только по вѣщности сходной съ бланкизмомъ, по происхожденію совершенно другого характера) захвата власти, съ одной стороны, *Zusammenbruch'a* — съ другой. Марксизмъ явился теоретическимъ выраженіемъ господствующей

практики: политической борьбы, преобладающей надъ экономической. И въ Бельгіи, и во Франціи, особенно въ Германіи рабочіе съ извѣрчатной легкостью организовали политическую борьбу и съ страшнымъ трудомъ, съ огромнымъ треніемъ — экономическую. И до сихъ поръ экономическія организаціи по сравненію съ политическими (не касаюсь Англій) страдаютъ необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду *laisseent à désirer quelque chose*. Пока энергія въ политической борьбѣ не была вся исчерпана, — *Zusammenbruch* являлся необходимымъ организующимъ *Schlagwort'омъ*, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной законъ, который можно вывести при изученіи рабочаго движенія — линія наименьшаго сопротивленія. На западѣ такой линіей являлась политическая дѣятельность и марксизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, являлся какъ нельзя болѣе удачной формой, въ которую должно было вылиться движеніе. Но когда въ политической дѣятельности была исчерпана вся энергія, когда политическое движеніе дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный ростъ голосовъ за послѣднее время, анатія публички на собраніяхъ, унылый тонъ литературы), съ другой стороны безсиліе парламентской дѣятельности и выступленіе на арену черной массы — неорганизованнаго и почти не поддающагося организаціи фабричнаго пролетаріата — создали на западѣ то, что носитъ теперь названіе бернштейнизма, кризиса марксизма. Болѣе логическаго хода вещей, чѣмъ періодъ развитія рабочаго движенія отъ Коммунистическаго Манифеста до бернштейнизма трудно себя представить, и внимательное наблюденіе всего этого процесса можетъ съ точностью астронома опредѣлить исходъ этого «кризиса». Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о пораженіи или побѣдѣ бернштейнизма — это мало интересно, рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи практической дѣятельности, которое уже давно понемногу совершается въ пѣдрахъ партій. Намѣненіе это произойдетъ не только въ сторону болѣе энергичнаго веденія экономической борьбы, упроченія экономическихъ организаціи, но главное, и это самое существенное, въ сторону измѣненія отношенія партій къ остальнымъ оппозиціоннымъ партіямъ. Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный (пользующійся слишкомъ схематичнымъ представленіемъ классового дѣленія общества) уступитъ мѣсто марксизму

демократическому, и общественное положеніе партіи въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея узко-корпоративныя, въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленіе къ захвату власти преобразуется въ стремленіе къ измѣненію, къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи приспособительно къ современному положенію вещей съ пѣлю наиболее удачной, наиболее полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ. Содержание понятія „политика“ расширится до истинно общественного значенія, и практическія требованія минуты получать больше вѣса, могутъ рассчитывать на большее вниманіе партіи, чѣмъ это было до сихъ поръ. Не трудно изъ этого краткаго описанія хода развитія рабочаго движенія на западѣ сдѣлать выводъ для Россіи. Линія наименьшаго сопротивленія у насъ никогда не будетъ направлена въ сторону политической дѣятельности. Невозможный политическій гнетъ заставитъ много говорить о немъ, именно на этомъ вопросѣ сосредоточивать вниманіе, но никогда не заставитъ онъ практически дѣйствовать. Если на западѣ слабыя силы рабочихъ, будучи вовлечены въ политическую дѣятельность, окрѣпли на ней и сформировались, у насъ — слабыя силы эти, наоборотъ, стоятъ передъ стѣной политическаго гнета и не только не имѣютъ практическихъ путей для борьбы съ нимъ, а, слѣдовательно, и для своего развитія, но даже систематически душатъ ими и не могутъ пускать даже слабыхъ ростковъ. Если прибавить къ этому, что рабочій классъ нашъ не получилъ въ настѣдѣ того организаціоннаго духа, какимъ отличались борцы запада — то картина получится удручающая и способная повергнуть въ уныніе самого оптимистическаго марксиста, вѣщающаго въ то, что лишняя фабричная труба, уже однимъ фактомъ своего существованія, несетъ великое благополучіе. Трудна, безконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она наконецъ практикуется самими массами. Приучаясь въ этой борьбѣ къ организаціи и минутно наталкиваясь въ ней на политическій режимъ, русскій рабочій создастъ наконецъ то, что можно назвать формой рабочаго движенія, создастъ ту или тѣ организаціи, которыя наиболее подходятъ къ условіямъ русской дѣятельности. Въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что русское рабочее движеніе находится еще въ амебовидномъ состояніи и никакой формы не создало. Стачечное движеніе, существуя при всякой

формѣ организаціи, не можетъ еще быть названо кристаллизованной формой русскаго движенія, а нелегальная организаціи уже часто съ количественной точки зрѣнія не заслуживаетъ вниманія (не говорю о ихъ полезности при настоящихъ условіяхъ). Вотъ положеніе. Если прибавитъ сюда еще голодухи и процессъ разоренія деревни, способствующій Streikbrecher'ству и, слѣдовательно, еще большую трудность подъема рабочихъ массъ на более сносный культурный уровень, то... Что же тутъ дѣлать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву. Русскій марксизмъ пока печальное зрѣлище. Его практическія задачи въ настоящемъ мизерны, его теоретическія познанія, поскольку онъ пользуется ими не какъ орудіемъ изслѣдованія, а какъ схемой дѣятельности — не имѣютъ цѣны для выполненія даже этихъ мизерныхъ практическихъ задачъ. Кромѣ того эти схемы, взятая съ чужого плеча, въ смыслѣ практики являются вредными. Забывъ, что на западѣ рабочій классъ выступилъ уже на расчищенное политическое поле дѣятельности, наши марксисты болѣе, чѣмъ это нужно, относятся съ презрѣніемъ къ радикально или либерально оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ не рабочихъ слоевъ общества. Малѣйшая попытка сосредоточить вниманіе на общественныхъ проявленіяхъ либерально политическаго свойства вызываетъ протестъ ортодоксальныхъ марксистовъ, забывающихъ, что цѣлый рядъ историческихъ условій мѣшаетъ намъ быть марксистами запада и требуетъ отъ насъ много марксизма, умѣстнаго и нужнаго въ русскихъ условіяхъ. Отсутствие у каждаго русскаго гражданина политическаго чувства и чутія не можетъ, очевидно, быть искуплено разговорами о политикѣ или воззваніями къ несуществующей силѣ. Это политическое чутіе можетъ быть дано лишь воспитаніемъ, т. е. участіемъ въ той жизни, какъ бы она не была немарксистична, которую предлагаетъ русскій дѣйствительность. На сколько „отрицаніе“ было умѣстно (временно) на западѣ, на столько у насъ оно вредно, потому что отрицаніе, исходящее отъ чего-то организованнаго и имѣющаго фактическую силу — одно, а отрицаніе, исходящее изъ безформенной массы разрозненныхъ личностей — другое. Для русскаго марксиста исходить одинъ: участіе т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально оппозиціонной дѣятельности. Какъ „отрицатель“ русскій марксистъ пришелъ очень рано, а это от-

рицаніе ослабило въ немъ ту долю энергіи, которая должна направляться въ сторону политическаго радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помѣшаетъ дѣятельному участию русскаго интеллигента въ жизни и отодвинетъ его слѣпкомъ далеко отъ оппозиціонныхъ круговъ — это будетъ существенный ущербъ для всѣхъ, кто вынужденъ бороться за правыя формы не объ руку съ рабочимъ классомъ, еще не выдвинувшимъ политическихъ задачъ. Политическая невинность русскаго марксиста-интеллигента, скрытая за головными разсужденіями на политическія темы, можетъ сыграть съ нимъ скверную штуку.

Мы не знаемъ, много-ли найдется русскихъ социаль-демократовъ, раздѣляющихъ эти воззрѣнія. Но несомнѣнно, что вообще идеи этого рода имѣютъ сторонниковъ и потому мы считаемъ себя обязанными категорически протестовать противъ подобныхъ воззрѣній и предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго соображенія русской социальдемократіи съ намѣченнаго уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ классовой борьбы пролетаріата и ставящей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы.

Выше приведенное „credo“ представляетъ изъ себя, во первыхъ, „краткое описаніе хода развитія рабочаго движенія на западѣ“, и, во вторыхъ, „выводы для Россіи“.

Совершенно невѣрно, прежде всего, представленія авторовъ „credo“ о прошломъ западноевропейскаго рабочаго движенія. Невѣрно, что рабочій классъ на западѣ не участвовалъ въ борьбѣ за политическую свободу и въ политическихъ революціяхъ. Исторія чартизма, революціи 1848-го года во Франціи, Германіи, Австріи доказываютъ обратное. Совершенно невѣрно, что „марксизмъ явился теоретическимъ выраженіемъ

господствующей практики: политической борьбы, превалирующей надъ экономической“. Напротивъ „марксизмъ“ появился тогда, когда господствовалъ социализмъ не-политическій (оуэнизмъ, фурьеризмъ, истинный социализмъ и проч.), и „Коммунистическій Манифестъ“ сразу выступилъ противъ неполитическаго социализма. Даже тогда, когда марксизмъ выступилъ во всеоружіи теоріи („Капитала“) и организовалъ знаменитое „Международное Общество Рабочихъ“, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкій трэдъ-юніонизмъ въ Англіи, анархизмъ и прудонизмъ въ романскихъ странахъ). Въ Германіи великая историческая заслуга Лассаля состояла въ томъ, что онъ превратилъ рабочій классъ изъ хвоста либеральной буржуазіи въ самостоятельную политическую партію. Марксизмъ связалъ въ одно неразрывное цѣлое экономическую и политическую борьбу рабочаго класса, и стремленіе авторовъ „credo“ отдѣлить эти формы борьбы принадлежитъ къ самымъ неудачнымъ и печальнымъ отступленіямъ ихъ отъ марксизма.

Далѣе, совершенно невѣрно такъ-же представленія авторовъ „credo“ о современномъ положеніи западноевропейскаго рабочаго движенія и той теоріи (марксизма), подъ знаменемъ которой идетъ это движеніе. Говорить о „кризисѣ марксизма“ значитъ повторять безсмысленныя фразы буржуазныхъ писаекъ, усилившихся раздуть всякій споръ между социалистами и превратить его въ расколъ социалистическихъ партій. Пресловутая „берштеніада“ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее обыкновенно понимаетъ широкая публика вообще и авторы „credo“ въ частности, — означаетъ попытку сгубить теорію марксизма, попытку превратить

революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социалдемократов. Оппортунистическія течения не раз обнаруживались в германской социалдемократии и всякій раз были отвергаемы партией, которая верно хранит завѣты революціонной международной социалдемократіи. Мы увѣрены, что всякія попытки перенести оппортунистическія воззрѣнія в Россію встрѣтятъ столь-же решительный отпоръ со стороны громаднаго большинства русских социалдемократовъ.

Точно также не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ „коренномъ измѣненіи практической дѣятельности“ западноевропейскихъ рабочихъ партий, вопреки мнѣнію авторовъ „credo“. Громадное значение экономической борьбы пролетаріата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмомъ съ самаго начала, и еще в 40-хъ годахъ Марксъ и Энгельсъ полемизировали противъ утопическихъ социалистовъ, отрицавшихъ значение такой борьбы. Когда, около 20 лѣтъ спустя, образовалось „Международное Общество Рабочихъ“, вопросъ о значеніи профессиональных рабочихъ союзовъ и экономической борьбы былъ поднятъ на первомъ-же конгрессѣ, въ Женевѣ, въ 1866 году. Резолюція этого конгресса точно указала значеніе этой борьбы, предостерегая социалистовъ и рабочихъ съ одной стороны, отъ преувеличенія ея значенія (замѣтнаго у англійскихъ рабочихъ въ то время), съ другой стороны, отъ недостаточной оцѣнки ея значенія (что замѣчалось у французовъ и у нѣмцевъ, особенно у лассальянцевъ). Резолюція признала профессиональные рабочіе союзы не только законными, но и необходимыми явлени-

емъ при существованіи капитализма; признала ихъ крайне важными для организаціи рабочаго класса въ его ежедневной борьбѣ съ капиталомъ и для уничтоженія наемнаго труда. Резолюція признала, что профессиональные рабочіе союзы не должны обращать исключительное вниманіе на „непосредственную борьбу противъ капитала“, не должны сторониться отъ общаго политическаго и социальнаго движенія рабочаго класса; ихъ дѣла не должны быть „узкими“, а должны стремиться къ всеобщему освобожденію угнетенныхъ миллионновъ рабочаго люда.

Съ тѣхъ поръ среди рабочихъ партий разныхъ странъ не разъ вставалъ (и не разъ будетъ, конечно, вставать) вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли въ данный моментъ обратить нѣсколько больше или нѣсколько меньше вниманія на экономическую или политическую борьбу пролетаріата, но общій и принципиальный вопросъ и сейчасъ стоитъ такъ, какъ онъ поставленъ марксизмомъ. Убѣжденіе о томъ, что единая классовая борьба пролетаріата необходимо должна соединять экономическую и политическую борьбу, перешло въ плоть и кровь международной социалдемократіи. Историческій опытъ неопровержимо свидѣтельствуетъ далѣе, что отсутствіе политической свободы или стѣсненіе политическихъ правъ пролетаріата всегда ведетъ къ необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый планъ.

Еще меньше можетъ быть рѣчи о сколько нибудь существенномъ измѣненіи въ отношеніи рабочей партіи къ остальнымъ оппозиціоннымъ партиямъ. И въ этомъ отношеніи марксизмъ указалъ верную позицію, одинаково далекую и отъ преувеличенія значенія политики,

и отъ заговорщичества (бланкизмъ и пр.), и отъ пренебреженія политики или суженія ея до оппортунистскаго, реформаторскаго социальнаго штопанья (анархизмъ, утопическій и мелко-буржуазный социализмъ, государственный социализмъ, профессорскій социализмъ и пр., и пр.). Пролетаріатъ долженъ стремиться къ основанію самостоятельныхъ политическихъ рабочихъ партій, главной цѣлью которыхъ долженъ быть захватъ политической власти пролетаріатомъ для организациіи социалистическаго общества. На другіе классы и партіи пролетаріатъ отнюдь не долженъ смотрѣть, какъ на „одну реакціонную массу“: напротивъ, онъ долженъ участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать всякое революціонное движеніе противъ существующаго строя, являться защитникомъ всякой угнетенной народности или расы, всякаго преследуемаго върученія, безправнаго пола и т. дал. Разсужденія на эту тему авторовъ „credo“ свидѣлствуютъ лишь о стремленіи затушевать классовый характеръ борьбы пролетаріата, обезсилить эту борьбу какимъ-то безмысленнымъ „признаніемъ общества“, сѣзуть революціонный маркенизмъ до дожиннаго реформаторскаго теченія. Мы убѣждены, что громадное большинство русскихъ социальдемократовъ безусловно отвергнетъ подобное искаженіе основныхъ принциповъ социальдемократіи.

Невѣрныя послышки относительно западноевропейскаго рабочаго движенія приводятъ авторовъ „credo“ къ еще болѣе невѣрнымъ „выводамъ для Россіи“.

Утвержденіе, что русскій рабочій классъ „еще не выдвинулъ политическихъ задачъ“ свидѣлствуетъ лишь о незнакомствѣ съ русскимъ революціоннымъ

движеніемъ. Еще „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“, основанный въ 1878 г., и „Южно-Русскій Рабочій Союзъ“, основанный въ 1879 году, выставили въ своей программѣ требованіе политической свободы. Послѣ реакціи 80-хъ годовъ рабочій классъ неоднократно выдвигалъ то же требованіе въ 90-хъ годахъ. Утвержденіе, что „разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву“ свидѣлствуетъ лишь о полномъ непониманіи исторической роли русскаго рабочаго класса и насущнѣйшихъ задачъ русской социальдемократіи. Собственная программа авторовъ „credo“ клонится, очевидно, къ тому, чтобы рабочій классъ, идя по „линии наименьшаго сопротивленія“, ограничивался экономической борьбой, а „либерально-оппозиціонныя элементы“ боролсь, при „участіи“ маркенистовъ, „за правыя формы“. Осуществленіе подобной программы было-бы равносильно политическому самоубійству русской социальдемократіи, равносильно громадной задержкѣ и приращенію русскаго рабочаго движенія и русскаго революціоннаго движенія (два послѣднія понятія для насъ совпадаютъ). Одна уже возможность появленія подобной программы показываетъ, насколько основательны были оцѣненія одного изъ передовыхъ борцовъ русской социальдемократіи, Павла Б. Аксельрода, когда онъ писалъ, въ концѣ 1897 года, о возможности такой перспективы:

„Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русскаго члсто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ-же за по-

литическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями изъ такъ называемой интеллигенци“. (Аксельродъ: „Къ вопросу о совращеніи задачъ и тактики русскихъ социалдемократовъ“. Женева. 1898 г. стр. 19).

Русскіе социалдемократы должны объявить рѣшительную войну всему кругу идей, нашедшихъ себѣ выраженіе въ „сredo“, такъ какъ эти идеи прямо ведутъ къ осуществленію такой перспективы. Русскіе социалдемократы должны приложить все усилія къ тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродомъ въ такихъ словахъ:

„Другая перспектива: социалдемократія организуетъ русскій пролетариатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу *частію рядомъ и въ союзы съ буржуазными революціонными фракціями* (по сколько таковыя будутъ въ наличности), частью-же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенци“ (Ibid., стр. 20).

Въ то самое время, когда П. Б. Аксельродъ писалъ эти строки, заявленія социалдемократовъ въ Россіи показывали ясно, что громадное большинство ихъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Правда, одна газета петербургскихъ рабочихъ, „Рабочая Мысль“, склонялась, какъ будто бы, къ идеямъ авторовъ „сredo“, высказываясь, къ сожалѣнію, въ своей передовой программной статьѣ (№ 1, Октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противорѣчащую социалдемократизму мысль, что „экономическая основа движенія“ можетъ быть „затемнена стремленіемъ постоянно не забывать поли-

тического идеала“. Но въ то же время другая газета петербургскихъ рабочихъ, „С.-Петербургскій Рабочій Листокъ“ (№ 2, Сентябрь 1897 г.), рѣшительно высказывалась за то, что „неспровергнуть самодержавіе... можетъ единственно лишь крѣпко организованная многочисленная рабочая партія“, что „организовавшись въ сильную партію“ рабочие „освободятъ себя и всю Россію отъ всякаго политическаго и экономическаго гнета“. Третья газета, „Рабочая Газета“, въ передовой статьѣ (№ 2 Ноябрь 1897 г.) писала: „Борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу — есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія“... „Русское рабочее движеніе удесятеритъ свои силы, если выступитъ какъ единое стройное цѣлое съ общимъ именованъ и стройной организаціей“... „Отдѣльные рабочие кружки должны превратиться въ одну общую партію“. . . . „Русская рабочая партія будетъ партіей социалдемократической“. Что громадное большинство русскихъ социалдемократовъ разделяло вполнѣ именно эти убѣжденія „Рабочей Газеты“, — это видно изъ того, что состоявшейся весной 1898 г. сѣздъ русскихъ социалдемократовъ образовалъ „Россійскую Социалдемократическую Рабочую Партію“, опубликовалъ ея „Манифестъ“ и призналъ „Рабочую Газету“ официальнымъ органомъ партіи.

Такимъ образомъ авторы „сredo“ дѣлаютъ колоссальный шагъ назадъ противъ той ступени развитія, которой русская социалдемократія уже достигла и которую она запечатлѣла въ „Манифестъ Россійской Социалдемократической Рабочей Партіи“. Если отчаянная травля русскаго правительства привела къ тому, что въ настоящее время дѣятельность „Партіи“ вре-

менно ослабляла и ее официальный орган перестать выходить, то долгъ всехъ русскихъ социалдемократовъ состоитъ въ томъ, чтобы приложить все усилія къ окончательному укрѣпленію „Партіи“, къ выработкѣ программы партіи, къ возобновленію ее официальнаго органа. Въ виду того шатающаго мысли, о которомъ свидѣтельствуетъ возможность появленія такихъ программъ, какъ вышеразобранное „credo“, мы считаемъ особенно необходимымъ подчеркнуть слѣдующіе основныя принципы, изложенные въ „Манифестѣ“ и имѣющіе громадную важность для русской социалдемократіи.

Во-первыхъ, русская социалдемократія „хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ“. Отсюда слѣдуетъ, что девизомъ социалдемократіи должно быть содѣйствіе рабочимъ не только въ экономической, но и въ политической борьбѣ; агитація не только на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ, но и на почвѣ всехъ проявленій политическаго гнета; пропаганда не только идей научнаго социализма, но и пропаганда идей демократическихъ. Знаменемъ классового движенія рабочихъ можетъ быть только теорія революціоннаго марксизма, и русская социалдемократія должна заботиться о ее дальнѣйшемъ развитіи и претвореніи въ жизнь, оберегая ее въ то же время отъ тѣхъ искаженій и опощленій, которымъ такъ часто подвергаются „модныя теоріи“ (а успѣхи революціонной социалдемократіи въ Россіи сдѣлали уже марксизмъ „модной“ теоріей). Сосредоточивая въ настоящее время все свои силы на дѣятельности въ средѣ фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ, социалдемократія не должна забывать, что въ

ряды организуемыхъ ею рабочихъ массъ должны войти, съ расширеніемъ движенія, и домашніе рабочіе, и кустари, и сельскіе рабочіе, и миллионы разореннаго и умирающаго съ голоду крестьянства.

Во-вторыхъ, „на своихъ крѣпкихъ плечахъ русской рабочей должетъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы“. Ставя неопроверженіе абсолютизма своей ближайшей задачей, социалдемократія должна выступить передовымъ борцомъ за демократію, и уже въ силу одного этого должна оказывать великую поддержку всемъ демократическимъ элементамъ русскаго населенія, привлекая ихъ къ себѣ въ союзники. Только самостоятельная рабочая партія можетъ быть твердымъ оплотомъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, и только въ союзѣ съ такой партіей, въ поддержкѣ ее могутъ активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконецъ, въ-третьихъ: „Какъ движеніе, такъ и правленіе социалистическое, русская социалдемократическая партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго дѣла въ Россіи; ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, социалдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой „Народной Воли“. Традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи требуютъ, чтобы социалдемократія сосредоточила въ настоящее время все свои силы на организаціи партіи, укрѣпленіи дисциплины внутри ея и развитіи конспиративной техники. Если дѣятели старой „Народной Воли“ сумѣли сыграть громадную роль въ русской исторіи, несмотря на относительную слабость

тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые поддерживали немногихъ героевъ, то социалъдемократія, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеетъ стать непобѣдимой. „Русскій пролетариатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большею энергіей продолжать борьбу съ капиталомъ и буржуазіей до полной побѣды социализма“.

Мы приглашаемъ всѣ группы социалъдемократовъ и всѣ рабочіе кружки въ Россіи обсудить вышеприведенное „сredo“ и нашу резолюцію и высказать опредѣленно свое отношеніе къ поднятому вопросу, чтобы устранить всякія разногласія и ускорить дѣло организаціи и укрѣпленія руссійской социалъдемократической рабочей партіи.

ПИСЬМО КЪ АКСЕЛЬРОДУ ОДНОГО ИЗЪ АВТОРОВЪ
БРОШЮРЫ ПРОТИВЪ ГРУППЫ „О. Т.“

Дорогой Павелъ Борисовичъ!

Я тоже очень жалью, что не могу говорить съ Вами лично... Съ теоретической точки зрѣнія генезисъ и развитіе имущественнаго интереса рабочаго класса дастъ намъ точку опоры, съ которой только и возможно понять какъ политическія стремленія рабочихъ, такъ и многоразличныя и часто противорѣчивыя формы организацій, создаваемыхъ рабочимъ классомъ въ его развитіи. Съ этой точки зрѣнія социализмъ является логически вытекающимъ изъ интересовъ класса фабричныхъ рабочихъ и совершенно не вытекающимъ изъ интересовъ группы, которую защищалъ Шульце-Деличъ, Brentano, нашъ В. В. и другіе мѣщане. Возможность психическаго воздѣйствія суживается, революціонныя вспышки — и ихъ неизбежная реакція — становятся понятны и самъ рабочій классъ, анализируемый съ этой точки зрѣнія — является уже величиной